

ПОСТПОХОРОННЫЕ АКЦИИ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА)*

А. В. Епимахов

Работа рассматривает вопросы процедуры изучения потревоженных погребений на примере памятников бронзового века Южного Урала. Основной акцент сделан на практику документирования археологических фактов и необходимость соблюдения всей последовательности стадий интерпретации. Анализ конкретных ситуаций позволяет утверждать, что промежуток между завершением погребальной церемонии и вторжением был довольно кратким, а участники «ограбления» были хорошо осведомлены об устройстве могилы. Следовательно, «ограбление» могло в некоторых случаях быть частью ритуальной практики. Судя по данным этнографии, отношение к умершим могло варьировать в широких пределах — поклонение, страх, отсутствие уважения. Возможно, каждый из этих вариантов актуализировался на каждой из стадий похоронной церемонии. Дальнейшие исследования позволят уточнить динамику мотивов «ограбления». Максимальное внимание предкам уделялось на ранних этапах, в период освоения новых территорий и становления культурных традиций. В дальнейшем произошло постепенное сокращение числа таких свидетельств, и обычай проникновения в могилы обрел утилитарный характер.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, погребальная обрядность, потревоженные погребения, методология археологии.

Интерпретации феномена потревоженных погребений имеет множество граней. В этой связи приходится ограничиться лишь некоторыми аспектами темы, обратившись к вопросам методики на примере конкретных археологических материалов бронзового века обширного региона. Оговоримся, что во всех случаях остро ощущается недостаток *качественной* информации¹, что препятствует прогрессу в понимании явления. Впрочем, есть также проблемы, лежащие в плоскости методологии.

Признавая на словах сложный характер отображения действительности в вещественных материалах, авторы часто предпочитают прямой подбор этнографических аналогий (осквернение могил врагами, ограбление, магические действия разного рода, включая обезвреживание «особых» покойников, и пр.) Таким образом, переход от результатов раскопок к реконструкции мотивов происходит без анализа ряда обязательных стадий: стимулы и идеи, через акции и их воплощение к отложению фракции культуры, деструкцию и пр. (либо эта часть процедуры остается в сфере подразумеваемого). Говорить о последовательной реконструкции информации [9, с. 349—370] не приходится, а подход можно определить как интуитивный.

Хотя при выборе алгоритма исследования авторы совсем нередко сталкиваются с трудноразрешимыми вопросами на *каждой* из упомянутых стадий, кажется полезным само осознание необходимости многоэтапной критики и четкое понимание влияния искажающих факторов и возможностей разной трактовки одних и тех же фактов. Поскольку проверка

точности полевых наблюдений в полном объеме невозможна, а публикации (а зачастую и отчеты) обычно содержат обобщенный вариант информации, исследователи вынуждены ориентироваться в основном на собственные материалы. Таким образом, единичные достоверные факты играют важнейшую роль в интерпретации, но не могут служить аргументом универсальной интерпретации более высокого уровня. Значимость таких наблюдений еще и в том, что они акцентируют внимание других авторов на важных чертах памятника и позволяют предложить критерии. Подчеркнем, однако, что мы оперируем не только единичными наблюдениями, но и некоторыми обобщениями. К их числу мы относим долю потревоженных погребений, возрастной и гендерный состав этих захоронений, сохранившийся инвентарь и др. [15] Видимо, следует принимать во внимание и степень оседлости населения, которому принадлежит некрополь. Она должна была влиять (разумеется, наряду с культурными нормами) на саму возможность вторжения в некротферу².

Важную роль в документировании ситуаций играет не только опыт исследователя и методика раскопок, но и наличие полевого антрополога. Это позволяет точнее оценить возможные причины деструкции погребения. Последние обусловлены *разновременными* природными и антропогенными процессами. Даже в случае уверенности в «человеческом факторе» главной трудностью видится именно установление *временного промежутка* от завершения погребальной церемонии до вторжения, т.к. *варианты* проникновения регистрируются гораздо чаще. Лишь после решения этих вопросов стоит обсуждать акции и их воплощения, а также мотивы действий. Основное внимание в этой работе будет сосредоточено на возможностях

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание № 33.2644.2014К).

¹ В данном случае речь не только о полевой фазе исследования, но и о способах представления информации в отчетах и публикациях. Зачастую последние не позволяют вынести самостоятельное суждение, вынуждая следовать выводам автора.

² Этот аспект может быть рассмотрен и через призму гипотезы 8 А. Сакса [6].

диагностирования временного промежутка от завершения похоронной церемонии до вторжения извне¹. В качестве материалов анализа использованы хорошо изученные древности бронзового века Южного Урала, для которых тема «ограбления» поднималась неоднократно [8, 11 и др.].

Погребальная обрядность этого периода характеризуется доминированием традиций курганного варианта ингумации. Наряду со «стандартными» погребениями во всех случаях имеются примеры особых погребений (частичные, вторичные, интрамуральные [2; 13 и др.]). Отнюдь не редкость случаи нарушения могил, особенно для родственных синташтинских (21—18 вв. до н. э.²), петровских (19—18 вв. до н. э.) и алакульских древностей (18—15 вв. до н. э.). Для некоторых культур, например, уральской абашевской [3; 12, с. 217, 222 и др.], не потревоженные могилы представлены единичными комплексами. Синташтинские, петровские и алакульские погребальные памятники объединяются многомогиельностью курганов, за которой, на наш взгляд, стоит история их поэтапного формирования. Комплексы включают все возрастные и гендерные группы (с преобладанием детей). Сравнительно небольшое количество похороненных, состав погребального инвентаря (включающего оружие и детали колесничного комплекса) и сложная практика жертвоприношения животных заставляют думать, что синташтинские (и, возможно, петровские) курганы были местами захоронения элиты. Еще одной отличительной чертой синташтинской погребальной практики является высокая степень вариативности всех основных черт [7].

Алакульские некрополи внешне сходны с синташтинскими и петровскими за счет аналогичного способа организации подкурганного пространства. Однако имеется и существенная разница. С точки зрения количественных показателей, алакульские некрополи содержат значительно больше курганов, могил и покойных. Фиксируются общая унификация, резкое, почти до нуля сокращение статусной атрибутики³, упрощение практики жертвоприношений и пр. В целом, происходит снижение трудозатрат коллектива в пересчете на одного индивида. Алакульские некрополи по основным параметрам ближе родовым кладбищам.

Все центральные и часть периферийных синташтинских захоронений перечисленных культур потревожены (в целом более 50%). Это не может быть результатом грабительских раскопок XVIII — начала XX вв. или деятельности норных животных. Большинство курганов имеет небольшую высоту (до 1 м), а периферийные захоронения никак не прослеживаются на современной поверхности. Потревожены, как правило, могилы, содержащие захоронения взрослых индивидов обоего пола. Выводы по возрастным группам на данном этапе невозможны, т. к. большая умерших была похоронена в коллективных могилах (до 8 человек).

¹ Не менее важным, представляется изучение и способов обращения с останками.

² В системе калиброванной радиоуглеродной хронологии [10].

³ Единичные исключения из этого правила связаны с ранней фазой культуры.

Это же обстоятельство затрудняет, хотя и не исключает полностью, определение принадлежности инвентаря конкретным индивидам. Примеры потревоженных погребений, сохранивших часть дорогостоящего инвентаря (изделия из металла, колесничный комплекс, каменные навершия булавы), не столь многочисленны, но есть [5, с. 20—32 и др.]. Как уже отмечено, одним из ключевых вопросов интерпретации потревоженных погребений является время проникновения извне. Установление краткости этого временного промежутка способно существенно сократить спектр возможных решений. На сегодня имеются яркие (хотя и единичные) свидетельства того, что вторжение осуществлялось через непродолжительный срок после завершения ритуала. Ограничимся несколькими примерами, детализирующими это заключение.

В могильнике Солнце II [4] исследована крупная могильная яма (курган 11, м. я. 1), явно пострадавшая от проникновения извне (рис. 1). Человечески останки находились в разрозненном состоянии за исключением ноги одного индивида, которая была в сочленении от колена до костей стопы включительно. Однако, эта часть скелета располагалась наклонно не на дне, а в заполнении грабительского вкопа (от 10 до 25 см выше дна могилы). Это является свидетельством того, что останки были перемещены до завершения скелетирования. Длительность периода деления мягких тканей варьирует в широких пределах, но в данном случае речь идет в полом пространстве ниже деревянного перекрытия, что существенно ускоряло процесс. В свете этого наблюдения привычные оценки некоторых сооружений как кенотафов (в рамках описываемого могильника таким примером может служить курган 3 с единственной ямой) могут быть пересмотрены. В упомянутом комплексе хорошо сохранились деревянная конструкция (с частично нарушенным перекрытием), жертвоприношения животных и сосуд, но отсутствовали кости человека. Вариант их изъятия при поспохоронных действиях, строго говоря, недоказуем, но не исключен. При такой интерпретации сроки извлечения останков должны были быть еще короче, чем в случае с курганом 11. Таким образом, речь идет о первых годах после захоронения.

Другого рода пример был зафиксирован в результате исследования петровского могильника Троицк-7 (курган 7, м. я. 1) (раскопки В. П. Костюкова). Одна из больших по площади (размер камеры в придонной части 3,75 × 2,75 м), но не очень глубоких могил, была облицована деревом (досками?) на высоту не менее 0,7—0,8 м⁴. Внутреннее пространство разделялось на три отсека, каждый из которых, вероятно, содержал индивидуальное захоронение (мужчины более 50 и 20 лет, а также индивидум 10—15 лет⁵). Судя по немногочисленным костям *in situ*, покойные располагались поперек длинной оси ямы (головой на юго-юго-запад) скорченно на левом боку (рис. 2).

⁴ На этом уровне выявлены остатки перекрытия и следы столбовых конструкций по углам. Супесчаный грунт не позволил установить все детали ввиду плохой сохранности дерева.

⁵ Определения выполнены Д. И. Ражевым (Институт проблем освоения Севера СО РАН).

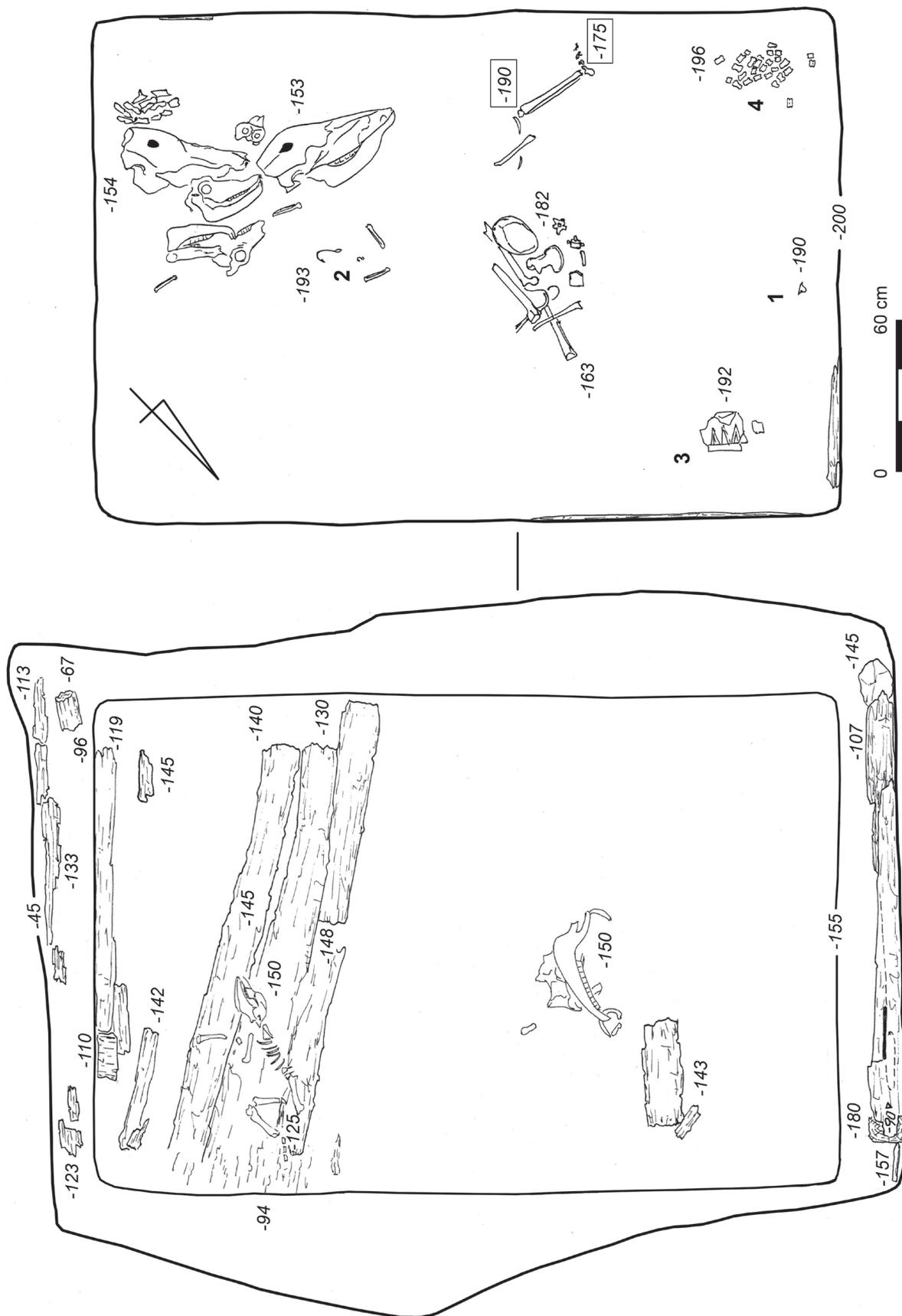

Рис. 1. Могильник Солнце II. Курган II. Могильная яма I. 1 — деталь лука, 2 — бронзовые стрелы, 3 — сосуд, 4 — астрагалы

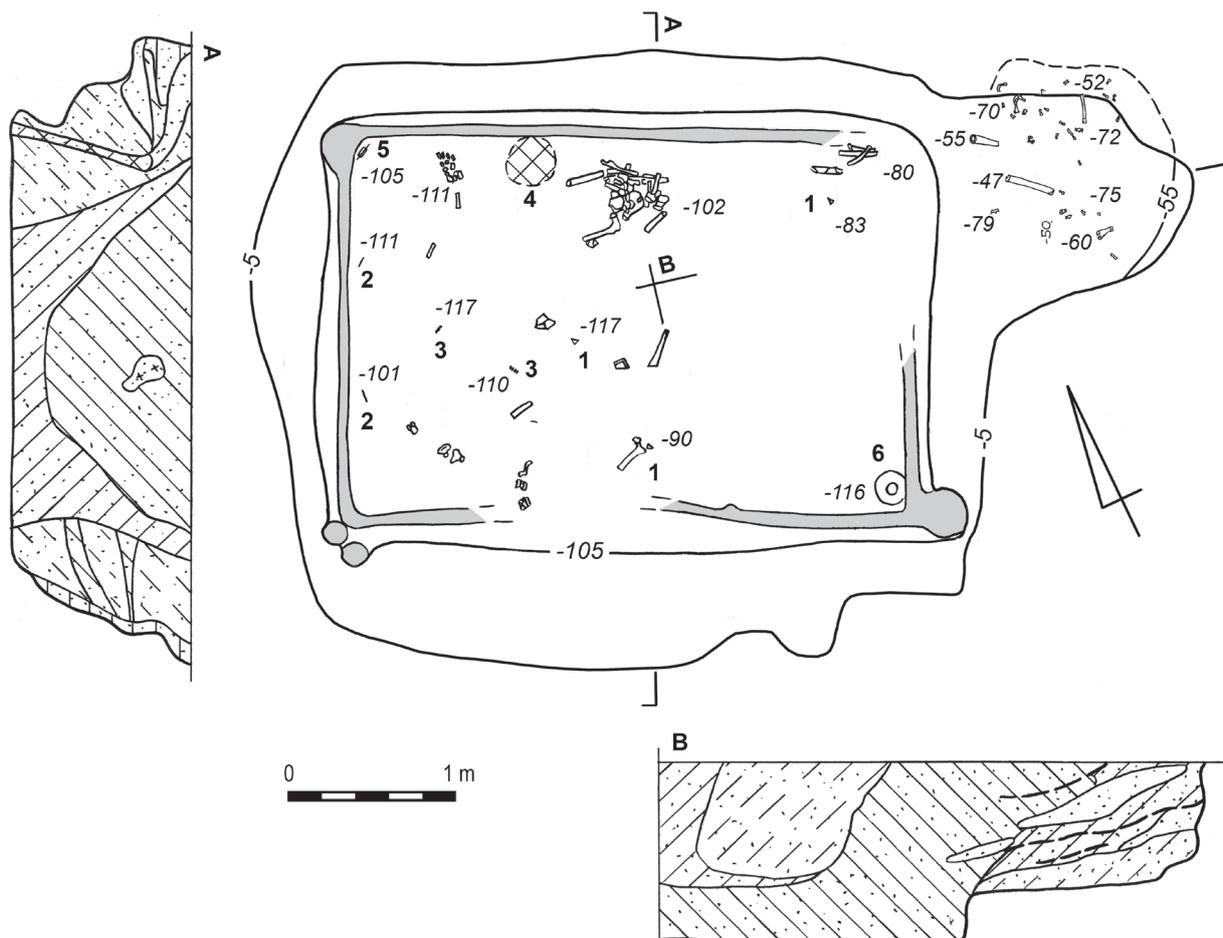

Рис. 2. Могильник Троицк-7. Курган 7. Могильная яма 1. План и разрезы. 1 — наконечник стрелы, 2 — бронзовые изделия, 3 — металлические украшения, 4 — пятно тлена, 5 — шило, 6 — сосуд

Углубление у восточной стенки образовывало ступень 0,3 м от дна и выглядело как дромос (имитация ?) либо грабительская яма. Именно здесь обнаружены многочисленные переотложенные человеческие кости со следами бронзовых окислов. Если верна первая версия (дромос), проникновение в полое пространство могилы состоялось до обрушения перекрытия, которое, видимо, не было очень массивным. Если точна вторая версия, «грабители» были отлично осведомлены о расположении могилы и ее устройстве. Они затратили минимум усилий, выкопав небольшой ход рядом с вертикальной деревянной облицовкой погребальной камеры, разобрали часть досок и, изъяли из полового пространства большую часть костей и украшений (с одеждой). Окончательное «освобождение» костей от бронзовых изделий состоялось именно в этой части сооружения и явно до обрушения перекрытия. Подчеркнем, что, несмотря на многочисленность следов меди на костях, среди металлических изделий обнаружены только разрозненные металлические бусы и часть бляшки, игла и шилья (рис. 3). Прочий инвентарь обильнее — части семи сосудов, четыре каменных наконечника стрел, клык животного и пастовые бусы. Следует отметить попутно, что в данном могильнике не было выявлено ни одного непо потревоженного погребения взрослых

индивидов¹. Таким образом, при любой трактовке проникновение внутрь камеры было осуществлено до обрушения перекрытия людьми, хорошо осведомленными о деталях конструкции.

Данный хорошо документированный пример заставляет иначе взглянуть на некоторые материалы, опубликованные ранее. Так, сильно потревоженная могильная яма 1 кургана 5 могильника Кулевчи VI [1, рис. 14] имела очень сходный пологий «дромос» у одной из стенок, который вряд ли был частью конструкции, поскольку перекрытие располагалось менее чем в 0,5 м от уровня дна (при общей глубине ямы 0,9 м). Отметим, что и в этом случае параметры надмогильного сооружения оставляли мало шансов на точное попадание в могилу с дневной поверхности.

Эти примеры иллюстрируют разные сроки постпохоронных действий, однако и в том и другом случае период не был очень протяженным. Нередко хорошо прослеживается, что в момент вторжения деревянное перекрытие могилы еще оставалось целым, а пространство под ним — полым. Проникновение в могилу осуществлялось с большой точностью, хотя крупные ямы далеко не всегда находились

¹ Для детских могил отсутствие костей может быть объяснено их плохой сохранностью в супесчаном грунте.

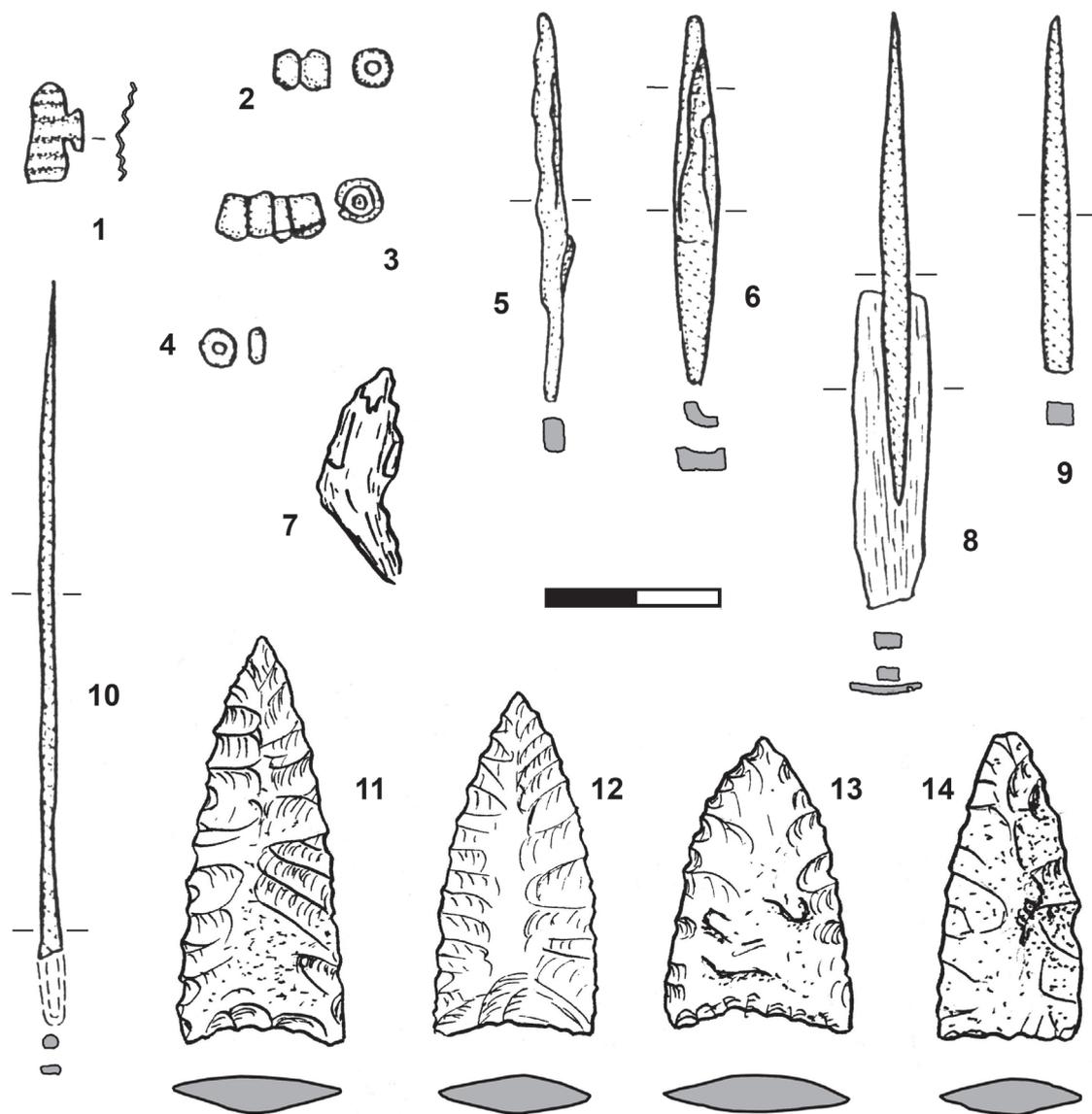

Рис. 3. Могильник Троицк-7. Курган 7. Могильная яма 1. Инвентарь. 1—3, 5—6, 8—10 — бронза; 4 — паста, 7 — кость, 11—14 — камень

в геометрическом центре подкурганной площадки (т. е. на дневной поверхности либо сохранялись знаки, либо грабители были хорошо осведомлены о расположении захоронений в многомогильных курганах). Не менее важно, что синташтинские могильники находятся в прямой видимости обитателей поселений, что теоретически должно было сильно осложнить «криминальную» деятельность для своих и чужих. Есть примеры, когда извлеченные кости явно были преднамеренно компактно уложены вне дна могилы¹. Таким образом, можно констатировать, что в приведенных выше и других случаях зафиксированы воплощения *целенаправленных* акций, в которых участвовало *синхронное* население.

В реконструкции идейного комплекса приходится опираться на кросс-культурные исследования, которые, конечно, не дают полной уверенности в

¹ Этот вариант обращения с останками четко отличается от вторичных погребений именно локализацией костей.

точности заключений, но позволяют определить основные направления интерпретаций. Мотивы нарушения покоя умерших, судя по этнографическим данным, очень разнообразны и сделать аргументированный выбор в пользу какой-либо из версий весьма непросто. В этой связи кажется разумным попытаться отбросить наименее вероятные варианты. Обсуждая феномен потревоженных могил, следует помнить о возможной разнице в отношении к покойным. Спектр представлений достаточно широк: от страха до поклонения. Делая выбор между этими крайними точками, мы не должны забывать и о возможности третьей позиции — отсутствии уважения к мертвым [16].

Среди широко известных — обезвреживание покойного. Для уральского бронзового века это кажется маловероятным, поскольку практика обезвреживания чаще связана с меньшинством умерших («неправильными» покойниками), в рассматриваемом же случае таковых более половины. Даже с учетом вероятных

различий в причинах потревоженности этот процент представляется слишком высоким. Для раннего — синташтинского — периода процент можно связать с немногочисленностью элитных захоронений, что предполагает и сложные варианты обращения с покойным. Однако в алакульское время курганная ингумация явно становится массовым явлением. Вместе с тем, непотревоженные погребения взрослых в алакульской культуре крайне редки, а общий процент потревоженных могил выше, в эту выборку попадают и захоронения детей [14 и др.]¹. Не обнаружены следы увечий и других способов обезвреживания.

Нет причин усматривать в этой традиции и способ осквернения могил соперничающими группами. Затруднения в этом случае связаны поиском таких групп. В этой роли может теоретически выступать только однокультурное население. Для синташтинского периода уровень развития военного дела хорошо документирован системами фортификации поселений, комплексом вооружения и военной техники. Сопоставимые по военной мощи и демографическим параметрам коллективы для начала II тыс. до н. э. назвать крайне сложно. Что касается алакульского времени, то речь идет об одном из наиболее масштабных и стабильных культурных явлений евразийского бронзового века. Достаточно сказать, что ареал распространения алакульских памятников простирается от бассейна реки Урал вплоть до Прииртышья, охватывая степную и лесостепную зоны. В целом, надежных свидетельств военной активности на поселениях бронзового века крайне мало, а для синташтинского периода их, по сути, нет, как нет и следов травматизма.

Почти столь же часто упоминается более прозаическая версия — ограбление, в том числе и с целью минимизировать для коллектива ущерб от дорогостоящих ритуалов путем возвращения в общину металлических изделий. Эта гипотеза дает ответ на вопрос о знании грабителями деталей расположения и конструкции могил, но оставляет за рамками объяснений сохранение части инвентаря в потревоженных захоронениях. Приходится исходить из версии об оставлении части инвентаря особо важного для покойного или табуированного для «грабителей». Еще труднее установить и причины хорошей сохранности целого ряда погребений. Хотя, конечно, не стоит сбрасывать со счетов ситуативные факторы.

Вряд ли изложенная сумма фактов может иметь единственное простое объяснение. Аргументы в пользу поклонения умершим в нашем распоряжении имеются. Синташтинские и петровские некрополи были местом упокоения лиц повышенного статуса, снабженным дорогостоящим инвентарем. Судя по всему, курганы формировались поэтапно и служили местом совершения постпохоронных ритуалов. Это, наряду с другими фактами, может быть оценено как проявление культа предков. Следы страха перед умершими можно усмотреть только в традиции сооружения рва вокруг погребальной площадки (что может иметь и другие объяснения), а также в нередком, хотя и необязательном, разделении

¹ Это заключение основано на материалах лесостепной зоны алакульской культуры, для степной ситуация может иметь существенные отличия.

кладбища и поселения водной преградой. Единично выявлены примеры связывания ног, но с учетом расположения покойных скорченно на боку, это может быть свидетельствами попытки придать умершему «правильную» позу. Никаких иных фактов в нашем распоряжении нет. Наконец, отсутствие уважения к мертвым иллюстрировано самой многочисленностью «ограблений». Очевидно, что преобладают аргументы в пользу поклонения умершим, что формально противоречит высокому проценту потревоженных погребений.

Возможным выходом из проблемной ситуации является предположение о сочетании всех трех перечисленных вариантов взаимоотношений мертвых и живых. В разные периоды цикла похоронных и после похоронных церемоний на первый план выходил один из них. Не исключено, что дальнейшее исследование позволит проследить в диахронии динамику. Во всяком случае, для алакульского периода затруднительно выявить следы поминальных ритуалов и примеры сколь-нибудь строгого разделения миров мертвых и живых. Создается впечатление, что максимальное внимание к предкам уделялось на ранних этапах, в период освоения новых территорий и становления культурных традиций. На следующем этапе произошло постепенное сокращение числа таких свидетельств, и обычай проникновения в могилы обрел утилитарный характер.

Литература и источники

1. Виноградов, Н. Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) / Н. Б. Виноградов // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2000. — Т. VIII. — С. 24–53.
2. Виноградов, Н. Б. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов, Н. А. Берсенева // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2013. — № 3 (55). — С. 59–67.
3. Горбунов, В. С. Абашевская культура Южного Приуралья / В. С. Горбунов. — Уфа: Изд-во БГПИ, 1986. — 96 с.
4. Епимахов, А. В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье / А. В. Епимахов // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. — Челябинск: Каменный пояс, 1996. — С. 22–42.
5. Епимахов, А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) / А. В. Епимахов. — Кн. 1. — Челябинск: Челябинский Дом печати, 2005. — 192 с.
6. Епимахов, А. В. Погребальные памятники бронзового века Южного Урала и Гипотеза 8 Артура Сакса / А. В. Епимахов // *КСИА*. — Вып. 229. — М.: ИА РАН, 2013. — С. 25–32.
7. Епимахов, А. В. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) / А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. — Т. 11. — Вып. 3: *Археология и этнография*. — 2012. — С. 148–170.
8. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. — Челябинск: СПЛИАЦ «Аркам»; ЧелГУ, 1997. — 93 с.
9. Клейн, Л. С. Введение в теоретическую археологию / Л. С. Клейн. — Кн. 1: *Метаархеология*. — СПб.: Бельведер, 2004. — 470 с.

10. Молодин, В. И. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы / В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко // Вестник НГУ. — Серия: История, филология. — 2014. — Т. 13. — Вып. 3: Археология и этнография. — С. 136—167.

11. Нелин, Д. В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации / Д. В. Нелин // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара : НТЦ, 2001. — С. 317—321.

12. Ткачев, В. В. Стены Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы / В. В. Ткачев. — Актобе : Актыобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. — 384 с.

13. Ткачев, В. В. Вторичные захоронения из алакульских памятников в южных отрогах Уральских гор / В. В. Ткачев // Известия Самарского научного центра

Российской академии наук. — 2010. — Вып. 6 (12). — С. 258—264.

14. Шилов, С. Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья / С. Н. Шилов, Д. Н. Маслюженко // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. — Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. — 122—123.

15. Яценко, С. А. О сарматских ограблениях синхронных курганов / С. А. Яценко // Теория и практика археологических исследований. — 2013. — № 2 (8). — С. 25—41.

16. Bartelheim, M. *Cult after Burial: Patterns of Post-Funeral treatment in the Bronze and Iron Age of Central Europe* / M. Bartelheim, V. Heyd // P. Beihl, F. Bertemes and H. Meller (eds.). *Archaeology of Cult and Religion*. — Budapest : Archaeologia, 2001. — P. 261—276.

Поступила в редакцию 26 апреля 2016 г.

ЕПИМАХОВ Андрей Владимирович, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет. 454080, Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук (2011), доцент (2004), автор более чем 240 публикаций, включая три авторские монографии и двенадцать глав в коллективных монографиях. Сфера интересов — древняя история Северной Евразии, социальная археология, хронология. E-mail: epimakhovav@susu.ru

Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 3, pp. 21—28

DOI: 10.14529/ssh160303

POST-FUNERAL ACTIONS AND THEIR ARCHAEOLOGICAL EMBODIMENT (ON THE MATERIALS OF THE BRONZE AGE SITES IN THE SOUTHERN URAL)

A. V. Epimakhov, South Ural State University, Russian Federation,
Institute of History and Archaeology Ural branch of Russian Academy of Science,
Chelyabinsk, Russian Federation,
epimakhovav@susu.ru

The work concedes the problems of the interpretation procedure of the disturbed burials study on the example of the Bronze Age sites of the Southern Urals. The main emphasis is on the practice of documenting the archaeological evidence and the need for the entire of the sequence of interpretation stages. Case studies suggest that the interval between the end of the funeral ceremony and the invasion was quite brief, and participants of the “robbery” were well aware of the grave construction. Consequently, the “robbery” in some cases could be a part of ritual practice. Judging from the ethnographical data, the relation to the dead could vary widely - the worship, fear, lack of respect. Perhaps each of these options actualized at different stages of the funeral ceremony. Further studies will clarify the dynamics of “robbery” motives. Maximum attention to the ancestors was paid in the early chronological period, in the period of development of new territory and the formation of new cultural traditions. Afterward there was a gradual decline in the number of these traces, and the custom of penetration into the graves became more utilitarian.

Keywords: Bronze Age, South Ural, burial rites, disturbed burials, methodology of archaeology.

References

1. Vinogradov N. B. Mogil'nik jepohi bronzy Kulevchi VI v Juzhnom Zaural'e (po raskopkam 1983 goda) [Burial mound Kulevchi VI in the South Trans-Urals (excavation of 1983)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2000. T. VIII. S. 24—53.
2. Vinogradov N. B., Berseneva N. A. Intramural'nye zahoroneniya detej na poselenijah pervoj tretej II tys. do n. je. v Juzhnom Zaural'e [Intramural Burials of Children at Bronze Age Sites in the Southern Urals (Early 2nd Millennium BC)] // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2013. № 3 (41). Pp. 59—67.

3. Gorbunov V. S. Abashevskaja kul'tura Juzhnogo Priural'ja [Abashevo culture in the South Cis-Urals]. Ufa: Izd-vo BGPI, 1986. 96 s.
4. Epimahov A. V. Kurgannyj mogil'nik Solnce II — nekropol' ukreplennogo poselenija srednej bronzy Ust'e [Burial-mound cemetery Solntze II — necropolis of the Late Bronze Age Ust'e] // Materialy po arheologii i jetnografii Juzhnogo Urala. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 1996. S. 22–42.
5. Epimahov A. V. Rannie kompleksnye obshhestva Severa Central'noj Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyj Ambar-5) [Early complex societies in the North of Central Eurasia (on the materials of Kamennyi Ambar-5 cemetery)]. Kn. 1. Cheljabinsk: Cheljabinskij dom pečati, 2005. 192 s.
6. Epimahov A. V. Pogrebal'nye pamjatniki bronzovogo veka Juzhnogo Urala i Gipoteza 8 Artura Saksa [Bronze Age burial sites of the South Urals and Arthur Saxe's hypothesis 8] // KSIA. Vyp. 229. M.: IA RAN. 2013. S. 25–32.
7. Epimahov A. V. Variativnost' pogrebal'noj praktiki sintashtinskogo naselenija (poisk objasnitel'nyh modelej) [Burial rites variability of the Sintashta population (search for explanation)] // A. V. Epimahov, N. A. Berseneva // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. T. 11. Vyp. 3: Arheologija i jetnografija, 2012. S. 148–170.
8. Zdanovich D. G. Sintashtinskoe obshhestvo: social'nye osnovy «kvazigorodskoj» kul'tury Juzhnogo Zaural'ja jepohi srednej bronzy [Sintashta society: social base of quasi-urban culture in the South Trans-Urals in the Middle Bronze Epoch]. Cheljabinsk: SPLIAC «Arkaim», ChelGU, 1997. 93 s.
9. Klejn L. S. Vvedenie v teoreticheskiju arheologiju. Kniga 1: Metaarheologija [Introduction in theoretical archaeology. Metaarchaeology]. SPb.: Bel'veder, 2004. 470 s.
10. Molodin V. I., Epimahov A. V., Marchenko Zh. V. Radiouglerodnaja hronologija jepohi bronzy Urala i juga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizhenija i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Epoch in the Urals and Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems] // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. 2014. T. 13. Vyp. 3: Arheologija i jetnografija. S. 136–167.
11. Nelin D. V. «Ograblenie» pogrebenij jepohi bronzy: problema interpretacii [Robbering of the Bronze Age burials: problems of interpretation] // Bronzovyj vek Vostochnoj Evropy: harakteristika kul'tur, hronologija i periodizacija. Samara: NTC, 2001. S. 317–321.
12. Tkachev V. V. Stepi Juzhnogo Priural'ja i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe jepoh srednej i pozdnej bronzy [South Cis-Ural and Western Kazakhstan on the turn of Middle and Late Bronze Age]. Aktobe: Aktjubinskij oblastnoj centr istorii, jetnografii i arheologii, 2007. 384 s.
13. Tkachev V. V. Vtorichnye zahoroneniya iz alakul'skih pamjatnikov v juzhnyh otrogah Ural'skih gor [Secondary Alakul' burials in the South spur of the Urals] // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 6 (12). S. 258–264.
14. Shilov S. N., Masljuzhenko D. N. O nekotoryh aspektah motivacii razrusheniya mogil alakul'skoj kul'tury na territorii lesostepnogo Pritobol'ja [Towards some aspects of disturbance of Alakul' burials in the forest steppe Tobol area] // XV Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie: tez. dokl. Orenburg: Orenburgskaja gubernija, 2001. S. 122–123.
15. Yatsenko S. A. O sarmatskih ograblenijah sinhronnyh kurganov [Sarmatian rubbing of simultaneal burials] // Teorija i praktika arheologicheskix issledovanij. 2013. № 2 (8). S. 25–41.
16. Bartelheim M., Bartelheim M., Heyd V. Cult after Burial: Patterns of Post-Funeral treatment in the Bronze and Iron Age of Central Europe // P. Beihl, F. Bertemes and H. Meller (eds.). Archaeology of Cult and Religion. Budapest: Archaeologia, 2001. Pp. 261–276.

Received April 26, 2016